

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
М63

Художественное оформление серии  
*Константина Гусарева*

**Мир, Ян.**  
М63 Тень белого ворона / Ян Мир. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113790-8

Если верить старой легенде, в этот мир попадают худшие из грешников, которых не принял даже ад. Им был дарован шанс искупить свою вину. Но они его утратили. Они погрязли в ненависти, междоусобицах и войнах. Единственная надежда для оставшихся в живых — последний прибывший, чье появление возвестит о конце этого мира.

Но что, если последний прибывший уже здесь?..

Рен нашел ее в снегу — хрупкую девочку с медно-рыжими волосами. Как и все прибывшие, она не помнит, кто она и откуда. Однако явственно ощущает — в прошлой жизни она знала того, кто ее спас. Рен тоже чувствует с ней тесную связь. Хладнокровный убийца, наемник, он пытается объяснить ей — этот мир не прощает ошибок: проявление милосердия равноценно смерти. Кажется, девочка не способна усвоить урок, но очень скоро она понимает — ради Рена она готова на всё.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113790-8

© Ян Мир, 2020  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2020

*И придет в муках последний  
незрячий, и воззовет к нему мир.*

## Глава 1 ИСКАЛЧЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Резкий удар сердца, судорожный вдох, распахнутые глаза.

Кто я?

Капли дождя ледяными иглами вонзаются в лицо.

Где я?

Черные скелеты мертвых деревьев пронзают сугробы, тянут свои ветви к свинцовому небу.

Что происходит?

Холодно. Очень холодно. Холод запутался и, похоже, навсегда застрял в заглубивших складках плаща из какого-то жесткого материала, в который я закутана.

Мир движется. Постепенно приходит осознание — меня несут на руках. Подняв глаза, вижу лицо парня. Чуть заостренный подбородок, прямой нос, приподнятые скулы и высокий лоб. Его черные волосы, собранные в низкий хвост, кажутся седыми от инея. Вокруг нас витает странный аромат. Осторожно вдыхаю его, пробуя понять, на что он похож, и память услужливо откликается.

Раннее утро, солнце окрашивает небо в оранжевые оттенки, в прохладном воздухе витает запах грозы. Совсем скоро на землю обрушится ливень,

и следом за ним появится лестница в небо<sup>1</sup>. В ожидании предстоящей бури я стою на холме под деревом, прижимаясь спиной к его неровной шершавой коре, и верчу в руках мокрое от капель росы крупное зеленое яблоко. Подношу к глазам, рассматриваю. Недавно сорванное с ветки, оно кажется идеальным. Желание попробовать на вкус становится нестерпимым, и я незамедлительно вонзаю в яблоко зубы. Раздается хруст, кислый сок наполняет рот, и скулы болезненно сводит. Зажмуриваюсь от удовольствия и в этот момент понимаю — пальцы, в которых все еще зажато яблоко, не принадлежат мне. Это не я стою в тени дерева, не я ожидаю ливня. Все это — чужие воспоминания, непонятно как оказавшиеся в моей голове. От моего солнечного сплетения поднимается липкий страх, тянется к горлу, душит. По телу проходит волна дрожи. Образ, такой яркий, стирается, выбрасывая меня в реальность, но запах зеленого кислого яблока остается. И этот аромат исходит именно от парня, который продолжает нести меня на руках, проваливаясь по щиколотку в мягкие сугробы.

Его движения плавные, уверенные. Он идет легко, двигаясь в нужном ему направлении. Несмотря на зиму, на нем черная футболка с короткими рукавами. Значит, тот плащ, который слабо спасает меня от холода, на самом деле принадлежит ему. Заглядываю в необычные глаза парня — желтые, с темной оранжевой радужкой вокруг зрачка. Их цвет напоминает мне мед и янтарь.

Откуда-то сбоку раздается хриплое карканье. Медленно поворачиваю голову в сторону звука и

---

<sup>1</sup> Природное явление. Солнечные лучи пронзают облака и как бы спускаются на землю, образуя столбы света.

вижу, как крупный ворон, осыпая снежный покров, срывается с ветки дерева и взлетает ввысь, подставляя крылья потокам ветра. Одновременно с этим в мое тело вгрызается боль, заставляя сильно выгнуться в спине. Дыхание перехватывает, оно становится рваным, с хрипами. Рот искажается в немом крике, голова запрокидывается, из глаз брызнули слезы. Короткая передышка — и все сначала. Боль корнями оплетает внутренние органы, просачивается глубже в вены. Судорога пробегает по плечам, выкручивает руки.

Чей-то крик, пытаюсь прорваться сквозь красную пелену сознания, слабым отголоском доносится до моего слуха, но его заглушает громкий пульс в ушах. Слова сливаются в шум и растворяются в потоке пламени, что бушует под кожей. На моем лбу выступают бисеринки пота, скатываются к вискам. За ребрами жар. Он распространяется дальше, превращая меня в комок оголенных нервов. Я все еще продолжаю выгибаться, чувствуя хруст собственных позвонков.

Не могу понять точно, сколько все это продолжается. Кажется, время замедляется во время приступов и сразу же выстреливает пружиной, когда я пытаюсь перевести дух. Кровь бурлит, на языке металлический привкус. Мечтая избавиться от него, старательно сглатываю.

«Ты меня слышишь?» — вместе с вопросом приходит новый прилив боли. «Если ты сейчас собираешься сдохнуть, то я немедленно брошу тебя», — звучит достаточно грубо. Рассредоточенным взглядом пытаюсь сфокусироваться на лице парня. Хочу кивнуть ему, но голова слишком тяжелая. Приближение приступа взрывает сознание всполохами красок. Кое-как высвобождаю руку из складок пла-

ща и цепляюсь пальцами за черную футболку, комкаю ткань, скрежещу зубами. «Твою мать, ТЫ МЕНЯ ПОНИМАЕШЬ?» — во взгляде парня читается раздражение или даже злость.

Нужно показать ему, что я не собираюсь умирать, иначе он действительно меня бросит. Паника остаться один на один с болью заставляет приложить титанические усилия и немного подтянуться ближе к лицу парня. Я хочу жить. Хочу жить. Криво растягиваю губы в подобии жалкой улыбки и шумно выдыхаю. Спустя мгновение мир меркнет перед глазами.

Все, что мне удастся услышать перед тем, как провалиться в темноту, — довольное хмыканье.

\* \* \*

Высоко в небе парит черный ворон. Дикая местность под ним сменяется каменной стеной, за которой распростерся огромный разрушенный город. Высокие здания опасно наклонены, неровный асфальт покрыт трещинами, дома увиты диким плющом. Он разрастается, подбираясь к крышам.

Птица пролетает над длинным подвесным мостом, где в беспорядке застыли машины, покрытые ржавчиной, которая день за днем пожирает металл. Через широкую дыру в бетоне моста видно море. Его волны с шумом разбиваются друг о друга.

Я едина с птицей, едина с городом. Я часть всего этого. Мое «я» бесследно стирается. Ворон принимается кружить над мостом. Желтые глаза внимательно что-то высматривают. «Время», — проносится шепот совсем рядом с моим ухом. Сделав резкий взмах крыльями и издав крик, ворон бросается вниз. Набирая скорость, он стремительно па-

дает. «Разрушь!» — властный голос врывается в сознание в тот момент, когда птица уже должна разбиться, встретившись с мостом.

Звук хлесткого удара выдергивает меня из сна. Какая-то часть меня все еще осталась там, за гранью реальности, другая же лежит на сыром бетоне и собирает себя по кускам. Мышцы болезненно ноют, будто бы после долгой пробежки. Голова ватная. Поднимаю веки и несколько раз моргаю. Тусклый свет помещения режет сетчатку глаз. Следом приходят запахи и холод, пробирающий до костей. На мне больше нет плаща. Только грязное белое платье с тонкими лямками на плечах длиной чуть ниже колен. Шевелю указательным пальцем, прислушиваясь к своим ощущениям. Боли нет, приступов тоже. На меня опускается едва заметное облегчение и тут же испаряется, стоит лишь взглянуть на серую стену с темными подтеками воды. Неясное беспокойство сдавливает затылок, завладевая сознанием. Ощущение — я в клетке — вынуждает осторожно перевернуться на спину и приподняться на локтях.

Тишину помещения нарушает уверенный голос, принадлежащий мужчине среднего роста. Напротив него, со связанными за спиной запястьями, сидит тот самый парень, что нес меня на руках. Он нагло усмехается разбитыми губами и переводит взгляд на меня. На несколько коротких секунд мы встречаемся глазами, и его улыбка становится шире, а мое сердце сковывает льдом. Судорожно напрягаю память, пробуя вытащить из нее какие-то обрывки прошлого. Если парень мне враг, значит, мужчина вполне может быть другом и тогда я могу не переживать за свою жизнь. Но что если все с точностью наоборот? Как ни стараюсь — в мо-

ей голове нет ни одного воспоминания. Я словно чистый лист, без имени, без даты и без места рождения. Сглатываю тягучую слюну и встревоженно оглядываюсь по сторонам, ощущая вязкую беспомощность в районе горла. Помещение, где мы находимся, больше напоминает камеру, нежели жилую комнату. Сердце заходится в быстром ритме.

Предпринимаю попытку подняться на ноги. Мужчина все еще стоит спиной ко мне и поэтому не видит, как я, упираясь ладонями в шершавую поверхность бетона, аккуратно встаю, зато это замечает парень. Он медленно качает головой из стороны в сторону, приказывая мне не двигаться, но я не слушаю его. Не успев до конца распрямиться, краем глаза замечаю какое-то резкое движение совсем рядом с собой. Удар в солнечное сплетение сгибает меня пополам и рывком опускает обратно. Колени встречаются с бетоном, лоб утыкается в пол. Хватаясь за живот, рвано втягиваю затхлый воздух. Все произошло слишком быстро. Боль смешивается с унижением и растекается внутри горячей пульсирующей волной. Вот он — один из ответов на недавний вопрос. Друзей здесь нет.

— Тим! — оглушительно рявкнул мужчина.

Сжав зубы и слегка приподняв голову, украдкой слежу за его действиями. Он отрывает свой взгляд от парня и в несколько шагов приближается к тому, кто меня ударил.

— Я отдавал тебе приказ ее бить?

— Она встала, — бормочет Тим.

— Мне плевать. Она всего лишь девчонка. Мог бы просто заломить ей руки. Бить не обязательно.

— Я думал...

— Думать здесь буду я!

Напротив моего лица останавливается обувь с блестящими железными носами. Непроизвольно дергаюсь и поднимаю голову еще выше, скользя взглядом по черным штанам из грубой материи, темно-синей футболке и черной кожаной куртке. Наконец смотрю на мужчину, который до недавнего времени стоял ко мне спиной. Его подбородок гладко выбрит, каштановые волосы с несколькими седыми прядями зализаны вверх настолько идеально, что ни один волос не выбивается из прически. Носом улавливаю аромат дорогого парфюма с горькими нотками. Мужчина слишком сильно выделяется, смотрится негармонично в этом грязном помещении. И от этого мне становится еще больше не по себе. Выгляди он иначе — можно было бы попробовать догадаться о том, какие мысли рождаются у него в голове.

— Ты в порядке? — спрашивает у меня мужчина, присаживаясь на корточки.

На этот раз в интонации его голоса нет жесткости. Но и обеспокоенности в нем тоже не слышно. Вопрос режет слух скупой насмешкой. «В порядке?» Как можно быть в порядке, не понимая происходящего вокруг. Проницательный взгляд мужчины будит во мне злость, и она придает сил. Разжимаю крепко сжатые челюсти.

— Пошел ты, — тщательно выговариваю каждую букву.

Из-за дрожащего голоса получается как-то не слишком уверенно. Связанный парень широко ухмыляется моему старательному ответу. Мужчина тяжело вздыхает, и я съеживаюсь, ожидая затрещину за неуважительное отношение к старшим. Не стоило мне так с ним разговаривать. Кто знает, как далеко находится от меня Тим.



— Я не сержусь на тебя, — мужчина прерывает затянувшееся молчание. — Понимаешь, все дело в том, что ты встала. А Тиму не нравится, когда пленники двигаются без моего разрешения, — он пожимает плечами.

Коротко киваю. Конечно, я понимаю. И даже больше того — уверена, ему самому не нравится, когда кто-то в этом здании даже просто дышит без его согласия. Сейчас становится ясно — мужчина здесь главный. Перевожу затравленный взгляд на Тима, встречаясь с его бесцветными глазами. Плотный, высокий, с угрюмым выражением лица. Из одежды — синие поношенные штаны и мятая серая растянутая футболка. На ногах стоптанные коричневые высокие ботинки со следами засохшей грязи. Сразу заметно — Тим головой работать не любит, если, конечно, ей бить не надо. По крайней мере, мне повезло, что обувь Тима не оснащена железными носами, иначе я бы не отделалась так легко. Связанный парень продолжает самодовольно улыбаться, внимательно наблюдая за каждым моим движением. В его взгляде ни капли сочувствия. Только холодный расчетливый интерес, от которого мне становится не по себе.

Поднимаясь на ноги, мужчина хмуро смотрит на Тима.

— Головой думай, нам товар Гаю отдавать, — вскользь делает ему замечание.

— Тогда этого, — кивнул Тим в сторону парня, — бить тоже не стоило.

В один шаг мужчина оказывается перед Тимом и пальцами резко хватает за щеки. Уставившись в бесцветные глаза, жестоко улыбаясь и четко, будто впечатывая каждое слово в его голову, произносит:

— Ты вздумал мне указывать?

Скрытая угроза в голосе прошибает не только Тима, но и меня. Замерев в неудобной позе, стараюсь не двигаться и стать как можно незаметнее — не хочется мешать чужим разногласиям. Лицо Тима бледнеет. Стоит мужчине отпустить его, как Тим делает шаг назад и резко выдыхает. На его щеках остаются красные следы от пальцев. Снова перевожу взгляд на парня. Он ловит каждое сказанное слово. Мужчина тоже это замечает:

— Что, интересно? — спрашивает у него с усмешкой.

Его почему-то радует любопытство пленника. Неужели он разглядел в нем собеседника, дотягивающего до его уровня, или же просто решил снизить до того, чтобы поболтать с «гостями»?

— Так мы что-то вроде товара? — парень спрашивает с такой легкостью, точно сейчас идет разговор не о наших жизнях.

— Именно, — кивает мужчина.

— Кто такой Гай?

Тим продолжает стоять рядом со мной, цепко следя за ситуацией.

— Вот познакомишься, — мужчина делает шаг к парню, — и узнаешь.

— Садист этот Гай, — вмешивается в разговор Тим, но тут же смолкает, стоит только главному бросить на него ледяной взгляд.

— А девчонку не жалко садисту отдавать? — с легким пренебрежением задает вопрос парень, указывая глазами в мою сторону.

От перспективы оказаться в руках Гая в моем желудке появляется холод, а во рту скапливается соленая слюна. К взмокшим ладоням липнет ткань платья.

— Жалко, — равнодушно разводит руками мужчина. — Я ж не бездушная скотина. Но свою команду еще жалче. Нам кушать надо. А они платят деньги и снабжают необходимыми вещами.

На моей коже выступают мурашки.

— И это, по-твоему, не «бездушная скотина»?

Мужчина криво улыбается и убирает руки в карманы штанов. Тим, без слов понимая приказ, в мгновение оказывается рядом с пленником и со всей силы бьет его кулаком в челюсть. Я в этот момент крепко зажмуриваюсь, ощущая, как от удара заныли даже мои зубы. И только когда проходит несколько секунд, сглатываю, медленно открывая глаза. Парень, ловя на себе мой сочувствующий взгляд, сплевывает кровью в сторону, затем гордо поднимает голову и продолжает нагло ухмыляться. Все это выглядит нереально, жутко и кажется плохим сном, что рассеется дымкой при первых лучах солнца. Нужно лишь дождаться рассвета, вот только ночь тянется слишком долго.

— Скоро вас отвезут, — обещает мужчина, проходя мимо пленника в сторону выхода.

Значит, все уже решено. Избежать участи не получится. Связанный и избитый парень не слишком хорошо подходит на роль защитника, а у меня самой нет ни одной идеи, как выбраться из плена.

— Последний вопрос, — крикнул ему в спину парень, обернувшись через плечо. — Скольких ты уже сплавил?

— Я не веду охоту на людей, — ответил мужчина и перешагнул через порог.

Не задерживаясь в камере, Тим вышел следом за ним и плотно закрыл дверь. Затем раздался звук ключа, проворачиваемого в замочной скважине. Нас заперли, и это было вполне ожидаемо. Пони-

мая, что на какое-то короткое время мне ничего не грозит, я аккуратно распрямилась и пошатываясь подошла к ближайшей стене. Села, прислонившись к ней спиной и, чтобы отвлечься от болезненной пульсации в животе, принялась рассматривать бетонную коробку. Парень, видимо, в надежде развязать веревки, задвигал запястьями за спиной, и на его жилистых руках, словно рисуя карту разветвления рек, появились вены. Попытка не принесла нужного результата, — поняв это, он бросил свою затею.

Я положила подбородок на согнутые колени и закрыла глаза, чувствуя ступнями холод от пола. Прошло не больше минуты, прежде чем едва различимый шорох привлек мое внимание, заставив поднять веки и посмотреть на парня. Он встал на ноги и теперь внимательно разглядывал меня. Лунный свет, проникавший сквозь решетчатое окно у самого потолка, падал на его лицо, освещая разбитую губу, синяк на скуле, и скользил дальше, играя бликами на сережках в левом ухе. Три из них в виде колец шли от мочки и выше. Четвертая же представляла собой небольшой полукруг и находилась на внешнем хряще. Черные волосы, собранные в хвост, доходили до середины бедер. Шею в несколько слоев обматывал грязный потрепанный бинт.

— Привет, — непринужденно произнес парень. — Меня зовут Рен.

Все, на что у меня хватило сил, — слабый кивок в ответ.

— А тебя? — его голос не звучал дружелюбно или враждебно.

— Я, — начала я осипшим голосом, — я не помню, — небольшая пауза в новой попытке вытолкнуть из памяти хоть что-то похожее на собственное